
Поиски и находки

Владимир ЧИСНИКОВ

ПО СЛЕДАМ
ПЕРЛЮСТРИРОВАННЫХ
ПИСЕМ...

(Лев Толстой и «черные кабинеты»)

В борьбе с революционным движением политическая полиция царской России широко использовала перлюстрацию как существенный источник получения информации не только о деятельности оппозиционных организаций, но и настроениях среди населения, а также в различных общественных и политических кругах. Оценивая ее роль и значение в деле политического сыска, первый главный начальник III отделения и шеф жандармов А. Х. Бенкендорф еще в 1840 году писал: «Перлюстрация — это есть одно из главнейших средств к открытию истины; представляя, таким образом, способ к пресечению зла в самом ее начале, она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и о разных правительственных мерах и распоряжениях»¹.

Под недреманным оком охраны находилась личная переписка не только подданных иностранных государств, но и Российской империи. В первую очередь вскрывались письма известных лиц (сановников, общественных и оппозиционных деятелей, людей, находящихся под наблюдением полиции, и т. п.), а также корреспонденция, поступающая из-за границы. Поэтому в пунктах перлюстрации при почтамтах («черные кабинеты») имелся специальный так называемый «алфавит» со списком фамилий, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру.

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году в городе Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне ведущий научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва). Проживает в г. Бровары Киевской области. Автор, соавтор, составитель и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений и Международных Толстовских конгрессов. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (Санкт-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва) и др.

¹ Цит. по: Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 72.

В России запрещено было вскрывать письма лишь двух человек: императора и министра внутренних дел. Перлюстрировались даже письма «лиц царствующего дома». Великий князь Николай Михайлович Романов, например, знал о просмотре его корреспонденции и упоминал об этом в письме к Л. Н. Толстому в апреле 1902 года². Не была исключением и переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны — матери самого российского самодержца, которая как-то обнаружила отпечатки грязных пальцев перлюстратора на адресованных ей письмах³. Бывший цензор петербургского почтамта В. И. Кривош (С. Майский) в своих воспоминаниях писал, что Николай II однажды дал указание особенно тщательно следить за перепиской великой княгини Марии Павловны, вдовы великого князя Владимира Александровича, поскольку «отношения между двором Марии Павловны и царским двором были, мягко говоря, прохладными»⁴.

Среди фигурантов «черных кабинетов» значился и граф Лев Николаевич Толстой⁵. Начиная с конца XIX столетия вся его корреспонденция, которая поступала писателю и которая шла от него, как в Москве, так и в Ясной Поляне, по указанию спецслужб подлежала перлюстрации. Об этом свидетельствует, например, «Дело Департамента полиции „О писателе графе Льве Толстом. Записки о его учении“ (1896), в котором имеются выписки из писем за 1894—1896 годы, адресованные как Льву Николаевичу, так и писателя к другим лицам. Тут и выписки из писем его последователей В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова, И. М. Трегубова, Ф. А. Страхова, Д. А. Хилкова, дочерей писателя Марии и Татьяны, арестанта А. А. Васильева, содержащегося в киевской тюрьме, студента Московского университета Рабиновича и др. В деле фигурируют также выписки из писем иностранцев: англичанина Джона Кенворти, француза Ф. Фенсона, а также полностью цитируются письма Толстого к министрам И. Л. Горемыкину и Н. В. Муравьеву⁶.

Лев Николаевич и члены его семьи знали о том, что их корреспонденция перлюстрируется. С. А. Толстая в письме от 12 июля 1896 года сообщала своей сестре Т. А. Кузминской: «...письма наши все подлежат пересмотру и их читают разные чиновники...»⁷ Последняя в свою очередь в феврале 1901 года (после отлучения Толстого от церкви) писала сестре: «Напиши мне как вы это приняли и пришли письмо заказным, а то еще прочтут, и до меня не дойдет. Подлость почтового ведомства превосходит всякие границы»⁸.

О просмотре писем писателя сообщал и швейцарец Э. Клапаред, побывавший в Ясной Поляне в августе 1897 года. В одной из своих статей он писал: «Всю корреспонденцию Толстого аккуратно вскрывают по приказу полиции и, когда жена писателя находится в отъезде, перехватывают ее письма к мужу»⁹.

Чтобы как-то сохранить тайну личной переписки от посторонних глаз Софья Андреевна писала мужу из Москвы 17 ноября 1898 года: «Милый друг... я узнала сегодня (не называю в письме никого, в виду того, что наши письма читают)...» — и просила написать ей ответ, передав письмо через кого-то, «а не почтой»¹⁰.

² Литературное наследство. Т. 38—9. М., 1939. С. 304.

³ Пирумова Н., Шацко К. «Демократия опоясанная бурей» // Наука и жизнь, 1985. № 10. С. 49.

⁴ Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора. Пг., 1922. С. 22

⁵ Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб., 1995. С. 17.

⁶ Гос. музей Л. Н. Толстого (далее ГМТ). Дело Департамента полиции «О писателе графе Льве Толстом. Записки о его учении» (1896).

⁷ Письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской // Яснополянский сборник. 1962. С. 99.

⁸ Жданов В. А. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993. С. 265.

⁹ Юность. 1988. № 9. С. 88.

¹⁰ Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М.; Л., 1936. С. 716.

О том, что Софья Андреевна была права, обвиняя власти в перлюстрации их писем, свидетельствует следующий факт.

5 июня 1901 года заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев направил начальнику Московского охранного отделения С. В. Зубатову «Выписку из письма графа Л. Н. Толстого, Ясная поляна, от 26 мая 1901 г., к графине С. А. Толстой, в Москву». В сопроводительном письме с грифом «Секретно» он писал:

Милостивый Государь
Сергей Васильевич.

Имею честь совершенно доверительно препроводить при сем к Вашему Высокоблагородию для соображений выписку из полученного агентурным путем письма графа Льва Толстого.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Заведующий Особым Отделом Департамента полиции,
Чиновник особых поручений V класса Л. Ратаев¹¹

Лев Николаевич, зная о том, что его письма вскрывают, а иногда и пропадают, нумеровал их, а затем передавал через друзей, минуя почту. В письме к П. И. Бирюкову от 2 марта 1897 года он писал: «№ 4. Пишу вам, милый друг, уже 4-й №, а от вас не получил еще ни одного... Неужели не допускают мои письма до вас и останавливают ваши. Это было бы очень жаль за тех людей, которые это делают. Так это нехорошо и не только противно любви, но и бесполезно жестоко» [71, 47]¹².

Необходимо сказать, что пропажа писем Толстого так же была результатом деятельности почтовых служащих — любителей автографов, которые присваивали «на память» письма и открытки, подписанные писателем. Поэтому после того, как письма начали пропадать, Лев Николаевич перестал собственноручно подписывать конверты и открытки, а поручал делать это дочерям или секретарю.

Любопытный случай, связанный с пропажей писем Толстого, описывает А. К. Чертова. 16 мая 1897 года Лев Николаевич направил за границу письмо ее мужу, которое адресат получил спустя... 19 лет, то есть зимой 1916 года. «К одному из наших знакомых г. Б., — вспоминает она, — в его учреждение, где он служит, явился господин, совершенно ему незнакомый, и сообщил, что у него в руках имеются несколько частных писем Л. Н. Толстого к разным лицам, приобретенных им из какого-то таинственного источника. Между прочим, он сообщил, что обладает письмом Толстого к Чертову и притом интимного характера»¹³.

Некоторые знакомые Толстого, зная, что его корреспонденция перлюстрируется, направляли адресованные ему письма сыновьям или другим родственникам писателя. Нередко Лев Николаевич получал анонимные письма, авторы которые не подписывались, чтобы не попасть в «черные списки» тайной полиции. Биограф писателя П. И. Бирюков отмечал: «Один крестьянин, „поздравляя“ Льва Николаевича Толстого с отлучением от церкви, пишет: „...говорят, что все письма, адресованные на ваше имя, прочитываются полицией. Из опасения попасть в беду я не смею подписаться, как бы подлежало для честного человека“»¹⁴.

¹¹ ГМТ. Рук. отдел. В / 6-а. Кн. 9401/9. Л. 71.

¹² В тексте даются ссылки на Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого (Юб. изд.). Первая цифра — том, вторая — страница.

¹³ Чертова А. К. История пропавшего письма Л. Н. Толстого // Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 1. Пг., 1917. С. 10.

¹⁴ Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 4. М.; Л., 1923. С. 31.

О случае с «меченым» письмом, полученным Толстым, рассказывал доктор К. В. Волков, лечивший писателя в Крыму (1901–1902): «Получает Л. Н. письмо от какого-то корреспондента из тюрьмы. Письмо было крест-накрест перечеркнуто яркими желтыми полосами полутораклористого железа (проявителя для симпатических чернил или слюней, которыми пользуются заключенные в целях тайной переписки). Л. Н-ча удивили эти желтые полосы и он спросил, что это значит. Когда я объяснил ему, что это дело жандармов, то надо было видеть Л. Н-ча. Он даже покраснел от негодования и воскликнул: „Ах, мерзавцы... С каким бы наслаждением я вымазал им рожу этой гадостью...“»¹⁵

Заслуживают внимания и записи доктора Д. П. Маковицкого: «...**25 марта** [1910 г.]. ...Когда я принес ему (Толстому. — В. Ч.) почту, посмотрел на письма с недовольством, что их опять так много. За завтраком же сказал... что письма, вероятно, вскрывают. Потому что обыкновенно число писем от 25 до 30 в день, а иной день — меньше 10-ти»¹⁶. «**10 апреля...** Л. Н.: Я делал наблюдение над письмами. Сегодня только шесть, все с марками на другой стороне. Увидим завтра.

Тальяна Львовна: Думаешь, перлюстрируют? Возможно, что и так»¹⁷.

Следует отметить, толстоведы подсчитали, что за всю свою жизнь Лев Николаевич Толстой написал более 8000 писем и получил около 50 000 писем со всех концов земного шара. Ему писали представители разных сословий: интеллигенты, рабочие, крестьяне. Последние, как правило, на конверте указывали: «Ясная Поляна, графу ТОЛСТОВУ».

Домашние писателя «классифицировали» письма на три категории: 1) духовные (о смысле жизни, о религии), 2) просительные и 3) ругательные. Большинство было «просительных»: просили помочь получить должность, выслать книги, заступиться за «невинно осужденного» и т. д., но чаще всего просили денег: на учебу, на постройку дома, на покупку пианино и даже...на уплату долгов. В связи с этим Толстой вынужден был обратиться в редакции нескольких центральных газет с просьбой не писать ему «просительных» писем.

О перлюстрации писем Л. Н. Толстого откровенно писал в своих мемуарах и бывший директор Департамента полиции А. Т. Васильев. В частности, он подчеркивал, что «на протяжении некоторого времени все письма Льва Толстого распечатывались и фотографировались цензором, а некоторые с его посланий, в которых Толстой высказывал свои антивоенные взгляды, были представлены на рассмотрение Императору»¹⁸.

В фондах Центрального государственного исторического архива Украины, Киев (ЦГИАК Украины) хранятся около 300 дел, связанных с именем Л. Н. Толстого, в том числе и имеющие непосредственное отношение к перлюстрации его писем. О трех из таких дел, тематически связанных с нашим повествованием, и пойдет речь впереди. Находящиеся там материалы дают возможность ознакомиться с малоизвестными эпизодами из жизни великого русского писателя и внести некоторые уточнения в его биографию и творческое наследие. Ретивые жандармы, разбросав по многим городам империи «черные кабинеты», вряд ли предполагали, что их «продукция» в значительной мере будет помогать будущим исследователям «открывать истину».

¹⁵ Волков К. В. Наброски к воспоминаниям о Л. Н. Толстом // Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 2. М., 1920. С.89.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. «Яснополянские записки Д. П. Маковицкого». Кн. 4. М., 1979. С. 209.

¹⁷ Там же. С. 233.

¹⁸ «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 386.

1. Дело о «секретном» письме политического арестанта Антона Васильева графу Льву Толстому

1 февраля 1895 года киевский губернатор граф Алексей Павлович Игнатъев получил из Петербурга совершенно доверительное письмо, подписанное товарищем (заместителем) министра внутренних дел и заведующим полицией империи генералом Н. И. Шебеко. В письме за № 753 от 29 января сообщалось:

Совершенно доверительно.
Его Сиятельству
Графу А. П. И Г Н А Т Ь Е В У

Милостивый Государь
Граф Алексей Павлович.

Препровождая при сем совершенно доверительно копию полученного совершенно секретным путем письма, содержащегося в Киевском тюремном замке политического арестанта Антона Антонова В а с и л ь е в а к писателю графу Льву Т о л с т о м у, свидетельствующего, что арестованные в названной тюрьме лица имеют возможность вести секретную переписку вне контроля тюремного начальства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать в распоряжении в тщательном и совершенно негласном расследовании обстоятельств этого дела, а также в принятии зависящих мер к прекращению на будущее время политическим арестантам возможности тайных сношений с лицами, находящимися на свободе.

В ожидании отзыва Вашего Сиятельства, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Товарищ министра внутренних дел,
Заведующий полицией Шебеко¹⁹

Из прилагаемой «Выписки...» губернатор Игнатъев убедился, что действительно письмо писателю графу Льву Толстому в Москву было тайно направлено политическим арестантом Антоном Васильевым из стен подведомственного ему учреждения — Киевского тюремного замка, именуемого обывателями Лукьяновской тюрьмой, а ее узников — внуками деда Лукьяна. Об этом наглядно свидетельствовали следующие строки:

Выписка из письма А. Васильева, Киев, от 12 января 1895 г., графу Льву Николаевичу Толстому, в Москву, Хамовники, собственный дом

Прошло уже столько времени с тех пор, как мы виделись, что считаю нужным напомнить некоторые подробности нашего знакомства: я Васильев, привезший к вам [письмо] от Л. Ф. Потом я уехал за границу, и теперь, по возвращении арестован и посажен в Киевскую тюрьму по обвинению в принадлежности к революционному обществу

Я и мои товарищи просим вас употребить ваше влияние на К у з ь м и н с к о г о, дабы он ускорил наше дело. Для некоторых моих товарищей п р е д в а р и т е л ь н о е з а к л ю ч е н и е тянется 20 и более месяцев. Один из них Х и н ч у к кашляет кровью, другой Р о з а н о в, со страшно развитой анемией. А им еще предстоит заключение. Два года томительной неизвестности, два года лише-

¹⁹ ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 845. Д. 393. Л. 1.

ния свободы, это такая мука, которую может представить себе только переживший ее. Я прошу вас повлиять на Кузьминского, и просить еще о замене заключения в кресте, ссылкой в Сибирь. Из этого вы можете видеть, каково наше положение здесь, что даже Сибирь нам кажется обетованной страной.

О себе скажу — я морально чувствую себя хорошо; идея становится все ясней и ясней. Уверенность, что, она, не сегодня — завтра осуществится, думается все крепче и крепче. Эту уверенность не сломят ни тюрьма, ни каторга, ни сама смерть.

Письмо это написано секретно, с громадным риском и громадной ответственностью в том случае, если факт отправки этого письма дойдет до нашего тюремного начальства. Вы не упоминайте о нем в своем ответе, который вы адресуете в Киевское Жандармское Управление, для передачи заключенному в тюрьме Антону Антоновичу Васильеву²⁰.

Как видим, то чего так боялся киевский арестант, случилось. О его «секретном» письме графу Льву Толстому стало известно тюремному начальству. Со слов генерала Шебеко следует, что письмо Васильева было получено «совершенно секретным путем», то есть путем перлюстрации в «черном кабинете», раскинувшим свои перлюстрационные щупальца на московском почтамте.

Ознакомившись с министерской депешей, губернатор Игнатьев в тот же день дал поручение киевскому губернскому тюремному инспектору провести служебное расследование с целью установить виновных, которые дали возможность политзаключенному Васильеву, содержащемуся в Киевском тюремном замке, послать без разрешения тюремного начальства письмо графу Льву Толстому. При этом Игнатьев требовал от подчиненного принять самые решительные меры «по прекращению всяких возможных тайных сношений политических арестантов с лицами, которые находятся на воле»²¹. Таким образом, в канцелярии Киевского губернатора и появилось «ДЕЛО по письму товарища министра внутренних дел, заведующего полицией о слабом надзоре за политическими арестантами в Киевском тюремном замке, выявленное посылкой Антоном Васильевым писателю графу Льву Толстому письма».

Служебное расследование по данному делу было поручено провести губернскому тюремному инспектору действительному статскому советнику Прокоповичу. Он установил, что, согласно существующим правилам, арестанту разрешается посылать письма и прошения четыре раза в неделю: в понедельник, среду, четверг и пятницу. После написания письма в специальной камере под надзором присутствующего помощника дежурного по тюрьме арестант возвращается в свою камеру. При этом помощник дежурного следит, чтобы он не вынес с собой письменных принадлежностей. Написанные письма и прошения отправляются прокурору судебной палаты на его усмотрение и дальнейшее направление. Следовательно, делал вывод тюремный чиновник, невозможно допустить, чтобы политический арестант Васильев ухитрился написать письмо, о котором идет речь, в камере тюрьмы. Если такое произошло, то в этом виновный кто-то из лиц тюремного надзора мужского пола.

Допрошенные по поводу написания и передачи на волю письма Васильева, тюремные надзиратели своей вины не признали. Один из них, Кужилов, высказал предположение, что это мог сделать выводной надзиратель Сучков. 1 февраля он был изобличен в проносе вина политзаключенному Розанову и на следующий день самовольно оставил службу.

В результате проведенного обыска в камере № 14, где содержался Васильев с 30 декабря 1894 года, был найден и изъят карандаш величиной в два сантиметра и отрывок от оберточной бумаги, но «ни пера, ни чернил, ни бумаги в камере

²⁰ Там же. Л 1 об.

²¹ Там же. Л. 2.

Васильева не было найдено». Тюремной администрацией Васильев характеризовался человеком молодым, но «весьма развитым и хитрым». В своем заключении Прокопович отмечал, что материалы служебного расследования с большой достоверностью говорят в пользу того, что именно Сучков есть главный виновник и, возможно, именно он принес арестованному Васильеву письменные приборы и бумагу для написания письма²².

4 февраля проверяющий доложил губернатору о выполнении его поручения и «оргвыводах», которые были осуществлены по результатам служебного расследования. В частности, сообщалось об увольнении со службы выводного надзирателя политического отделения Терентия Сучкова, а также дежурного Легулеева, который пропустил Сучкова в прогулочный дворик женского отделения. Помощнику начальника киевской тюрьмы Пономареву предложено до 1 апреля представить рапорт об освобождении от занимаемой должности. При этом губернатору сообщалось, что на протяжении 1894 года из Киевского тюремного замка было уволено 39 лиц за различные нарушения.

О результатах расследования и принятых мерах киевский губернатор Игнатьев доложил столичному начальству, и 10 февраля надзорное производство по делу о письме арестанта Васильева к графу Льву Толстому было закрыто.

Необходимо отметить, что перлюстрированное жандармами письмо Васильева Лев Николаевич получил. 15 января он дал ему ответ на почтовой открытке. «Случайно узнал, что вы находитесь в заключении в Киевской тюрьме, — писал он. — Очень бы желал, чем могу, облегчить ваше положение. Я знаю, как тяжело для людей нервных одиночное заключение, и поэтому всегда особенно желал служить людям, находящимся в вашем положении...Напишите мне, если можете. Любящий вас Лев Толстой». На открытке, как и советовал ему Васильев, он написал адрес: «Киев. В Киевское жандармское управление, для передачи заключенному Антону Антоновичу Васильеву»²³. В тот же день Лев Николаевич написал письмо и А. М. Кузминскому, в то время занимавшего должность председателя Киевского окружного суда, прося Александра Михайловича ускорить решение дела и заменить Антону Васильеву тюремное заключение ссылкой.

Почтовая открытка с ответом Толстого к арестанту Васильеву не дошла. Она была задержана Киевским губернским жандармским управлением и переслана в Департамент полиции. Начальник Киевского ГЖУ в сопроводительном письме от 27 января 1895 года писал, что полученное письмо графа Толстого, судя по его содержанию, он «не нашел удобным выдать таковое по принадлежности»²⁴.

Непосредственное участие в судьбе Васильева приняла и супруга писателя С. А. Толстая, гостившая в Киеве у сестры в апреле 1895 года. В своих мемуарах Софья Андреевна вспоминает: «Когда я приехала в Киев, Лев Николаевич мне сказал, что там в тюрьме сидит очень молодой человек, революционер, некто Васильев, и нельзя ли смягчить его участь. С изумленным сердцем, готовым на всякое доброе дело, я рада была хлопотать о Васильеве. Для этого зять мой А. М. Кузминский вызвался пригласить вечером князя Ливена, тогдашнего прокурора Палаты. Князь Ливен был очень любезен, устроил мне свидание с молодым Васильевым, обещал сделать все от него зависящее, чтобы облегчить участь Васильева... Васильева привезли, кажется, в участок. Он говорил потом, что после стольких месяцев тюремного заключения он почувствовал восторг от этой поездки, весной, с чудным видом всего расцветающего Киева. Но Васильев произвел на меня нехорошее впечатление.

²² Там же. Л. 5—7.

²³ Литературное наследство. Т. 69. Кн. 1. С. 546.

²⁴ Там же. С. 519.

Он был задорен, легкомыслен, по-видимому, совсем без всякой религии. Я пыталась его смирять, призвать к более доброму отношению к людям и к более религиозному состоянию души, но он как-то иронически улыбался. Вместо каторги его сослали просто в Архангельскую губернию, но потом кто-то рассказал, что неизвестно куда бежал»²⁵.

Об Антоне Антоновиче Васильеве известно, что он родился в 1873 году в г. Павловске Петербургской губернии. Его мать А. П. Васильева была актрисой, а отцом — командир лейб-гвардии казачьего полка генерал-майор Новицкий. В 1892 году Антон окончил Александровский кадетский корпус, однако от дальнейшей армейской службы отказался и был зачислен студентом Петербургского горного института. Не проучившись и года, он был исключен из института за революционную деятельность и подвергнут негласному полицейскому надзору.

В начале июля 1893 года Васильев посетил Ясную Поляну и познакомился с Л. Н. Толстым, передав ему письмо от знакомой писателя Л. Ф. Анненковой. Отвечая ей 10 июля, Лев Николаевич писал: «Дорогая Леонила Фоминична. Спасибо вам за ваше доброе отношение к Васильеву. Вы своим добрым сердцем и ясным умом поняли его лучше меня и нашли, что делать. Я не беру на себя дать совет, но верю вам. Он мне тоже понравился: натура хорошая, но уж очень изуродована, изломана...» [66, 364]. 8 октября того же года Толстой сообщал ей: «...Васильев первое впечатление, начал горячо и самоуверенно спорить с Никифоровым, доказывая социалистическ(ие) теории, произвел нехорошее, но потом чем больше я его видел, тем больше полюбил его. Совершенно, согласно с вами, повторяю: милый мальчик. И жалко его, и страшно за него. Наши также полюбили его» [66, 403].

О пребывании в Ясной Поляне поднадзорного Васильева тайной полиции было известно, о чем свидетельствует секретный документ охранки «Сведения о графе Толстом лично, находящиеся в делах департамента полиции» от 28 июля 1896 года. В нем, в частности, упоминается, что «в 1894 г. у Толстого проживал студент Антон Васильев, связанный с эмигрантами-революционерами»²⁶. Жандармам также удалось перлюстрировать переписку Л. Ф. Анненковой и узнать, что «разыскиваемый Антон Васильев думает вернуться в Москву, а Анненкова озабочена тем, как его укрыть, о чем переписывается с Изюмченко и Дунаевым. Несколько позднее Департамент полиции сообщил: Васильев в Москве, посещает Татьяну Толстую»²⁷.

Спустя некоторое время Васильеву удалось нелегально выехать в Швейцарию, где он поддерживал связи с российскими социал-демократами, которые находились в эмиграции, в том числе и со знакомой писателя В. И. Величкиной. В письме к ней от 5 января 1894 года Лев Николаевич писал: «Поклонитесь Васильеву. Он милый малый» [67, 13]. О том, что Васильев находится за границей охранка узнала от ...В. И. Величкиной. Бывший сотрудник Департамента полиции Л. П. Меньщиков в своих мемуарах утверждал, что корреспонденция Величкиной тщательно контролировалась сотрудниками охранки. Именно, благодаря перлюстрации, охранка знала, что, находясь за границей, она «была замечена в знакомстве с эмигрантом Антоном Васильевым»²⁸.

В декабре 1894 года Антон Васильев был арестован российскими жандармами за нелегальный переход границы и содержался в киевской тюрьме. 16 августа 1895 года он был выслан в Архангельскую губернию сроком на три года, с воспрещени-

²⁵ Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 2. М., 2011. С. 408.

²⁶ Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 188.

²⁷ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. Ч. 2. Вып. 2. М., 1929. С. 19.

²⁸ Там же. Ч.1. М., 1925. С. 208.

ем проживания в столицах, столичных губерниях и университетских городах. Отбывая ссылку в Холмогорах, Васильев привлекался к суду за богохульство, но был оправдан. Следующим местом его ссылки стал Шенкурск, где он также «проходил» по делу о кассе взаимопомощи ссыльных. И на этот раз ему повезло: в декабре 1898 года дело было прекращено за недостаточностью улик. Вскоре Васильев переехал из Шенкурска в Архангельск, где устроился на службу в губернскую казенную палату.

В 1899 году ему разрешили временное проживание в Петербурге, куда он и возвратился в начале августа того же года. В столице бывший ссыльный начал работать в газете В. В. Барятинского «Северный курьер», заведую одним из отделов. При этом он тесно сотрудничал с редакцией журнала «Жизнь», публикуя статьи под собственным именем и псевдонимом «А. Сурков».

В начале осени 1900 года издатель и редактор журнала «Жизнь» В. А. Поссе, желая напечатать драму Толстого «Живой труп» и опасаясь, что рукопись может попасть к другим издателям, поручил Васильеву вести с писателем личные переговоры. Вскоре Поссе получил от Васильева телеграмму: «Толстой согласен, должны провести через цензуру»²⁹. Обрадованный редактор 3 октября направил Льву Николаевичу благодарственное письмо, которое вызвало у писателя недоумение. «...Васильев, вероятно, меня не понял, — отвечал он Поссе 6 октября, — или вы не поняли его. Я не только не обещал драмы, которой у меня нет, но и *ничего не обещал*. Очень сожалею, что это так, но *я не могу иначе*. Я дал прочесть ему одно место из нецензурной статьи, говоря, что это я бы мог отдать. Вот и все. Пожалуйста, не сетуйте на меня...» [72, 482].

В начале 1901 года Васильев привлекался в качестве обвиняемого по делу о Комитете рабочей организации Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Основанием для возбуждения уголовного дела послужило его выступление на нелегальной вечеринке 28 января, организованной Комитетом для рабочих кружков Шлиссельбургского района столицы. Опасаясь ареста, он в марте 1901 года сумел выехать за границу, и дело в отношении его по согласованию министров внутренних дел и юстиции в июне 1902 года было приостановлено до его явки или задержания.

Находясь в Париже, Васильев во второй половине 1902 года инициировал создание революционной социал-демократической группы «Свобода», которая ставила своей целью объединение различных социал-демократических организаций, находящихся за границей. От ее имени Антон Антонович выпустил прокламацию «В единении сила». Позднее он порвал с социал-демократами и после октябрьской амнистии 1905 года возвратился в Россию, где примкнул к партии конституционных демократов (кадетам). В течение 1906—1907 годов проживал в Самаре, редактировал газету «Самарский курьер», а после ее закрытия — «Волжское слово» — печатные органы партии кадетов. Васильев избирался членом Самарского комитета кадетов, был делегатом от Самары на съезды этой партии. В 1906 году выпустил брошюру «Крестьянские наказы Самарской губернии». В январе 1907 года во время избирательной кампании во вторую Государственную думу был арестован за опубликование в «Самарском курьере» наказа крестьян с. Архангельского депутатам первой Госдумы. В мае того же года выездная сессия Самарской судебной палаты присудила редактора А. А. Васильева, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 129 Уголовного уложения, к штрафу с заменой недельным арестом при полицейском участке.

²⁹ Поссе В. А. Мой жизненный путь. М., 1929. С. 190.

В 1908–1909 годах Антон Антонович активно сотрудничал в петербургской газете «Слово». Под псевдонимом «А. Любимов» он опубликовал ряд беллетристических произведений в журналах «Русская мысль», «Вестник Европы», «Жизнь для всех» и т. д.

После Февральской революции Васильев снова уезжает в Самару, где его избирают членом Самарского комитета партии кадетов и членом так называемого Исполнительного комитета народной власти. От самарских избирателей он баллотировался кандидатом в Учредительное собрание. Дальнейшая судьба Антона Антоновича Васильева, одного из знакомых Л. Н. Толстого, к сожалению, остается неизвестной.

В заключение отметим, что материалы рассмотренного нами архивного дела дают основания внести некоторые уточнения в 67-й том Полного (Юбилейного) собрания сочинений Л. Н. Толстого, где напечатаны письма писателя за 1894 год. Во-первых, в научном комментарии к письму Л. Н. Толстого к В. И. Величкиной от 5 января указывается, что А. А. Васильев был арестован и посажен в киевскую тюрьму *в начале* 1894 года (67, 14), хотя в действительности это произошло *в конце декабря* того же года. Во-вторых, в «Списке писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестный» за 1894 год указываются письма к А. А. Васильеву и А. М. Кузминскому от 16 января 1894 года (67, 297), хотя они были написаны 15 января 1895 года и их текст теперь уже известен.

2. Дело киевского присяжного поверенного Льва Куперника

12 сентября 1903 года начальник Киевского охранного отделения жандармский подполковник Александр Иванович Спиридович, разбирая в своем рабочем кабинете утреннюю почту, обратил внимание на депешу, прибывшую из Петербурга. Осторожно разрезав конверт ножницами, он вынул два листа и начал читать. На официальном бланке Департамента полиции исполняющий обязанности директора сообщал следующее:

ДИРЕКТОР
Департамента полиции Господину начальнику
№ 8214 Киевского охранного отделения
7 сентября 1903 г.

Совершенно секретно.

Препровождаю при сем Вашему Высокоблагородию совершенно доверительно для сведения и соображений копию с полученного агентурным путем письма присяжного поверенного Льва Куперника из Киева от 25 минувшего августа к графу Льву Толстому в Москву.

И. д. директора *(подпись неразборчива)*³⁰

На втором листе бумаги, прилагаемом к департаментскому письму, излагалось содержание письма Л. А. Куперника к Л. Н. Толстому:

Копия из полученного агентурным путем письма присяжного поверенного Льва Куперника, г. Киев от 25 августа 1903 г. к графу Льву Николаевичу Толстому, в Москву.

³⁰ Дело о сборе сведений и производстве обыска у проживавшего в г. Киеве присяжного поверенного Куперника Л. А. // ЦГИАК Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 228. Л. 1. Далее ссылки на листы этого дела даются в тексте.

Вы, может быть, читали в «Миссионерском обозрении» статьи Ивана Кронштатского. Из трех киевских газет они были перепечатаны в одной. Бесстыдное произведение изувера возмутило меня, и я решил написать ему ответ. К моему удовольствию, цензура лишь слегка урезала, но все же пропустила его. Ставлю себе в особую честь доставить Вам мою заметку и позволю себе просить Вас быть столь добрым и прислать мне Ваше «Обращение к духовенству», которое я не смог достать.

Киев, Николаевская ул., д. 9 (л. д. 2).

Именно эти два документа, полученных из Департамента полиции, стали основанием для заведения Киевским охранным отделением оперативного дела № 671, на обложке которого значилось: «Куперник Лев Абрамович — присяжный поверенный. Начато 12 сентября 1903 г.».

Спустя несколько дней пристав Дворцового полицейского участка г. Киева получил из местной охраны совершенно секретное предписание:

НАЧАЛЬНИК

Киевского

Охранного Отделения

15 сентября 1903 г.

№ 1432

Совершенно секретно.

Г. ПРИСТАВУ ДВОРЦОВОГО
ПОЛИЦЕЙСКОГО г. КИЕВА УЧАСТКА

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие собрать негласным путем и сообщить на сем же сведения о личности, знакомстве, родственных связях и сведениях присяжного поверенного Льва Куперника, проживающего в доме № 9, по Николаевской улице.

Подполковник Спиридович» (л. д. 4).

Почти два с половиной месяца начальник Киевского охранного отделения ожидал ответа на свой запрос и только 5 декабря получил необходимые сведения о Л. А. Купернике. В частности, пристав Дворцового полицейского участка «имел честь сообщить Его Высокоблагородию», что пока удалось установить негласным путем за присяжным поверенным, коммерческим секретарем Львом Абрамовичем Куперником следующие сведения: он мещанин от роду, 50 лет, проживающий в доме № 9, по Николаевской улице, происходит из евреев, но принявший православие, женат на жительнице г. Воронежа Наталии Крашенниковой, происходящей из дворян, имеет дочь Надежду, живущую при нем, а также дочь Анну, которая учится на медицинских курсах Петербургского женского мединститута. Далее сообщались сведения о теще Куперника — Надежде Аполлоновне Крашенниковой, проживающей в Воронеже, его брате, сестре и отце, живущих в Киеве.

Самые ценные сведения, интересующие охранку, содержались в конце доклада, где сообщалось о предписании киевского полицмейстера от 28 ноября 1893 года, № 2943, в котором говорится, что Л. А. Куперник состоял под негласным надзором полиции, от которого он был освобожден 27 марта 1902 года. Заканчивая свой доклад, пристав явно симпатизировал Льву Абрамовичу: «Ничего предосудительного, — писал он, — в образе действий Куперника и поведении во время жительства в районе Дворцового участка, не замечен. По своей профессии и выдающейся адвокатской деятельности он часто выезжает из Киева в разные города для защиты судебных дел» (л. д. 4–5).

А теперь дополним полицейские сведения некоторыми деталями из биографии Л. А. Куперника, в том числе и связанными с именем Л. Н. Толстого.

Куперник Лев Абрамович (1845–1905) — юрист, адвокат, общественный и театральный деятель, публицист, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого. Родился в г. Вильно в состоятельной купеческой семье. После окончания в 1865 году юридического факультета Московского университета был зачислен кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. Затем состоял помощником присяжного поверенного, присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. В 1877 году переехал в Киев, где продолжал заниматься адвокатурой. Некоторое время проживал в Одессе, а с 1896 года и до конца жизни — снова в Киеве.

В конце XIX века присяжный поверенный Лев Куперник считался одним из корифеев российской адвокатуры, авторитетным криминалистом и цивилистом, выдающимся судебным оратором. Когда Лев Абрамович жил в Одессе, в городе ходила шутка: «Одесский адвокат Куперник — известный всех Плевак соперник», намекая на Ф. М. Плевако, который считался тогда образцом адвоката. Современники называли Куперника также «любимцем киевлян». Он принимал участие во многих резонансных уголовных и политических судебных процессах: членов народолюбивого кружка «долгушенинцев» (1874), о злоупотреблениях в Московском ссудном коммерческом банке (1876), шайки мошенников из «Клуба черных валетов» (1877), участников «Чегиринского заговора» (1877), процессе 12-ти (1884), о еврейском погроме в Кишиневе (1903), о восстании матросов на учебном корабле «Прут», подержавших мятежный броненосец «Потемкин» (1905), и др.

Лев Абрамович поддерживал связи с революционными организациями как в России, так и за рубежом, в частности с лондонским «Фондом Вольной русской печати», учредителем которой был С. Кравчинский. После направления в 1879 году личного письма киевскому генерал-губернатору М. И. Черткову с требованием прекратить практику применения смертной казни в отношении участников революционного движения Куперник долгие годы находился под негласным полицейским надзором. В конце 90-х годов обратился с письмом к императору Николаю II, в котором предлагал провести конституционную реформу, созвать Земский собор и учредить ответственным перед ним Кабинет министров.

Куперник активно сотрудничал с редакциями многих периодических изданий: «Юридическим вестником», «Юристом», «Зарей», «Киевской газетой», «Киевскими откликами» и др. Он избирался почетным председателем Всероссийского съезда криминалистов в Петербурге, членом нескольких юридических обществ, гласным Киевской городской думы, членом Киевского товарищества грамотности и т. д.³¹ Лев Абрамович находился в дружеских отношениях со многими известными музыкантами, певцами, актерами, слыл меценатом и пропагандистом отечественной культуры. Среди его друзей были певцы Ф. И. Шаляпин, И. В. Тартаков, М. Е. Медведев, композиторы Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский и др.

Адвокат Куперник вел переписку и с Л. Н. Толстым. Известно о двух его письмах, адресованных Льву Николаевичу. Первое письмо от 7 ноября 1892 года Лев Абрамович отправил в Ясную Поляну из Одессы. В нем он рассказывал о себе, об интеллектуальной жизни в городе и просил разрешения поставить комедию «Плоды просвещения» в городском театре. На конверте письма Л. А. Куперника есть помета карандашом рукой Т. Л. Толстой: «Пр[осит] позв[олить] пост[авить] Пл[оды] Просв[ещения] Отв[ет?]. На л. 2об. письма имеется еще одна помета Т. Л. Толстой: «Отв[ечено?】». О содержании ответа Т. Л. Толстой сведения отсутствуют [66, 472].

На втором письме Куперника к Толстому, перлюстрированном сотрудниками московского «черного кабинета», остановимся более подробно. Его написанию предшествовали следующие события.

³¹ Усенко І. Б. Чисніков В. М. Куперник Лев Абрамович // Енцикл. історії України. Т. 5. К., 2008. С. 500.

В середине августа 1903 года в петербургском двухнедельном религиозном журнале «Миссионерское обозрение» (№ 12) была напечатана статья протоиерея кафедрального Андреевского собора в Кронштадте Ивана Кронштадтского (в миру Иван Ильич Сергеев, 1829—1908). Называлась статья «Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его “Обращение к духовенству”», в которой автор предавал анафеме «безбожную личность» графа Толстого, извращенную «до уродливости, до омерзения», и его «ужасное богохульство». Спустя несколько дней статья официального проповедника и члена «Союза русского народа» была перепечатана многими изданиями, в том числе и газетой «Киевское слово» (20 августа, № 5612).

Прочитав пасквиль проповедника, Куперник выступил в защиту писателя, опубликовав в «Киевской газете» 24 августа 1903 года (№ 232) довольно объемную статью «Образцовая полемика», в которой, в частности, писал: «Не берусь судить, насколько Толстой противоцерковен... Как нравственная личность Толстой слишком хорошо известен не только России, но и всему миру, который жадно прислушивается к каждому слову Толстого, и не только слову художника, но и к слову моралиста, глубокого знатока человеческой души, учащего людей хорошо и честно жить — разумеется, как он это понимает, и с чем, еще более разумеется, могут не соглашаться многие»³². Автор статьи также утверждал, что протоиерей Иоанн Кронштадтский «в своей полемике с графом Толстым применяет запрещенные приемы: брань, голословие и неверность цитат».

На следующий день после выхода газеты Куперник отправил в Москву Льву Николаевичу письмо, которое вскоре и было перлюстрировано сотрудниками московского «черного кабинета», а его копия направлена начальнику Киевского охранного отделения «для сведения и соображений».

Говоря о перлюстрированном письме Куперника к Толстому, следует сказать, что в литературе высказывалось утверждение, что писатель его не получил. Так, известный историк профессор Н. А. Троицкий, впервые опубликовавший данное письмо, утверждает, что «письмо Куперника к Толстому от 25 августа 1903 г. не дошло до адресата, и поэтому оно осталось неизвестным... для самого Толстого»³³.

С таким утверждением уважаемого профессора нельзя согласиться. Как свидетельствуют материалы отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, в одном из его фондов хранятся два письма адвоката Л. А. Куперника к Льву Николаевичу. На конверте, отправленном из Киева 25 августа 1903 года, имеется помета, оставленная писателем красным карандашом: «Послать к духов[енству]»³⁴.

3. Дело тверского земского врача Алексея Таирова

Среди секретных материалов Харьковского охранного отделения, хранящихся в ЦГИАК Украины, находится любопытный документ: перлюстрированное тверскими жандармами письмо политического арестанта врача Таирова, содержавшегося под стражей в бежецкой тюрьме. Письмо, датированное 9 января 1908 года, адресовалось Александре Петровне Рандункиной, проживавшей в г. Харькове³⁵.

Имя земского врача Алексея Александровича Таирова в конце 80-х годов прошлого тысячелетия было известно многим. Родился он в 1858 году в деревне Афимьи-

³² Троицкий Н. А. «Ставлю себе в особую честь...» // Исторический архив. 1997, № 5—6. С. 216.

³³ Там же. С. 215.

³⁴ ГМТ Рук. отдел. Ф. 1. № 160/64.

³⁵ ЦГИАК Украины. Ф. 705. Оп. 1. Д. 284. Л. 15—16об.

но Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье священника. В тринадцатилетнем возрасте по настоянию отца был отправлен в Тверскую духовную семинарию, где проучился семь лет. Однако карьера священнослужителя не пришлась ему по душе. Вопреки воле родителей он поступает на медицинский факультет Харьковского университета. Успешно закончив учебу в 1838 году, Таиров возвращается в родные края и работает земским врачом в Весьегонском уезде. Но вскоре, разочаровавшись в казенной службе, Алексей Александрович поселился в селе Суково Телятинской волости, где занялся частной практикой³⁶. Спустя непродолжительное время он стал очень популярным среди местных крестьян, так как лечил их почти бесплатно, получая за свои труды очень скромное вознаграждение.

Своей деятельностью и образом жизни Таиров привлек внимание властей. Уже в мае 1888 года по распоряжению начальника Тверского губернского жандармского управления за ним был установлен негласный полицейский надзор «ввиду имеющих в департаменте полиции сведений о сомнительной политической благонадежности Таирова»³⁷. С этого времени его фамилия на протяжении почти трех десятилетий будет фигурировать в документах российских жандармов.

Деятельность Таирова в качестве вольнопрактикующего врача вызывала также недовольство и среди некоторых его коллег. Полемика о «вольном сельском враче» Таирове, выступившем с докладом на IX губернском съезде Тверского земства, появилась сначала в медицинских журналах³⁸, а потом перекинулась на страницы многочисленных газет.

О весьегонском докторе слышал и читал Лев Николаевич Толстой. Именно он способствовал опубликованию доклада Таирова в журнале «Русское богатство». В апреле 1887 года редактор этого издания А. Е. Оболенский писал Толстому из Петербурга, что получил доклад вольнопрактикующего врача Таирова и воспользуется им в апрельском номере журнала³⁹. Фамилию Таирова Лев Николаевич несколько раз упоминал в переписке с друзьями [65, 273, 279]; [86, 205–206].

Был ли Толстой лично знаком с Таириным?

Сведений об этом нет ни в «Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого» Н. Н. Гусева, ни в комментариях Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. И тем не менее обнаруженные нами источники дают основания утверждать, что такая встреча была: Таиров приезжал в Ясную Поляну и беседовал с великим русским писателем. Свидетельством тому является вышеупомянутое перлюстрированное тверскими жандармами письмо Таирова, адресованное харьковчанке А. П. Рандункиной.

Сообщая адресату о своей жизни, Алексей Александрович, в частности, пишет: «Я же застрял на 12 дней в Туле, чему был рад. Тут сразу попал на многолюдные митинги рабочих. **Съездил в Ясную Поляну к Льву Николаевичу Толстому** (выделено мною. — В. Ч.), в чем пришлось очень раскаяться. Встретил он меня радушно, сначала оставил меня обедать, а потом и ночевать. Вечер за полночь проговорили. Он очень *нарицал* освободительное движение, высказывался ретроградом, чем, конечно, я был огорчен, а он остался недоволен моим сочувствием движению. По возвращении в Тулу на расспросы о нем пришлось отмалчиваться, настояли, чтобы бывший с нами Беренштам Вл. В.⁴⁰ съездил к Толстому. Тот вывез те же впечатле-

³⁶ Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 1047. Л. 8–9.

³⁷ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11699. Л. 16 об.

³⁸ Медицинское обозрение. 1888. Т. XXX. С. 582–583; Русская медицина, 1888, № 19.

³⁹ Кореспонденты Л. Н. Толстого. М., 1940. С. 99.

⁴⁰ Беренштам Владимир Вильяминович (1870 —?) — юрист и публицист. Будучи присяжным поверенным в Петербурге, защищал на судебных процессах многих видных революционеров: И. П. Ка-

ния. Очень тяжело было видеть такого человека, как Лев Ник[олаевич], пережившим свою славу...»⁴¹

Таиров в письме не указывает дату встречи с Толстым, но, судя по описываемым событиям, она произошла в октябре 1905 года, в дни всероссийской политической забастовки. Когда же именно?

Пытаюсь найти фамилию Таирова в «Яснополянских записках» домашнего врача писателя — Душана Петровича Маковицкого, который вел дневник на протяжении 1904—1910 годов и оставил потомкам бесценные свидетельства о ежедневной жизни Толстого. Безуспешно. Ищу упоминания о спутнике Таирова — Беренштаме. На этот раз удача: запись за 16 октября 1905 года (воскресенье): «Под вечер приехал из Тулы, где застрял на вокзале, присяжный из Петербурга, Беренштам, который защищал убийцу Сергея Александровича и бунтовавших якутских политических ссыльных.

Л. Н. гулял с ним по Чепыжу и к самой Воронке. Пригласил обедать, но тот не остался»⁴².

В письме Таирова и записях Маковицкого совпадают многие детали. Например, совпадает время посещения Беренштамом Ясной Поляны, факт беседы с Толстым и даже слова: Таиров пишет, что в Туле «застрял на 12 дней», и Маковицкий отмечает, что Беренштам «приехал из Тулы, где застрял на вокзале». Из письма Таирова можно предположить, что он ушел из Ясной Поляны утром, а его спутник отправился к Толстому где-то во второй половине дня, и Маковицкий пишет о прибытии Беренштама «под вечер».

Следует также учесть утверждение Таирова о том, что Лев Николаевич «очень *нарицал* освободительное движение». Действительно, Толстой отрицательно относился к начавшейся революции, которая приобрела характер вооруженной борьбы. В ряде статей, опубликованных в этот период, он проповедовал отказ от революционной деятельности, утверждая, что существующий в России государственный строй можно изменить только путем морального самоусовершенствования⁴³.

Итак, оснований не доверять Таирову у нас нет. Следовательно, в Ясной Поляне он побывал 15 октября 1905 года. К сожалению, запись в дневнике Маковицкого за этот день отсутствует. Почему? Вероятнее всего, Душана Петровича в субботу в Ясной Поляне не было. Отсутствовал он и утром следующего дня, когда Таиров покинул имение писателя. К такому выводу подводят дневниковые записи доктора за 16—18 октября. Свои воскресные (16 октября) заметки Маковицкий начинает словами: «Л. Н. ездил подковать лошадь на Косую Горю...»⁴⁴ Он не указывает время, хотя обычно бывал исключительно точен. Для сравнения приведу записи последующих двух дней: 17 октября — «Л. Н. встал (позднее обычного, в 8.30)»⁴⁵; 18 октября — «Л. Н. встал, как обыкновенно»⁴⁶. О том, что Маковицкий часто покидал Ясную Поляну, свидетельствует секретарь Толстого В. Ф. Булгаков. В своих воспоминаниях он пишет, что Душан Петрович «на тряской телеге разъезжал по округе с радиусом верст в сорок и совершенно бескорыстно или за 5-копеечные гонорары лечил кре-

лева — убийцу великого князя Сергея Александровича, Л. Д. Троцкого, В. П. Ногина и др. В 1920 году работал юрисконсультом Полтавского губисполкома, впоследствии эмигрант.

⁴¹ ЦГИАК Украины. Ф. 705. Оп. 1. Д. 284. Л. 16 об.

⁴² Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. С. 428.

⁴³ См., например, статью Л. Н. Толстого «Об общественном движении в России», опубликованной в газете «Русские ведомости» № 58 от 3 марта 1905 года.

⁴⁴ Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. С. 428.

⁴⁵ Там же. С. 429.

⁴⁶ Там же. С. 430.

стьян многих деревень, бесплатно раздавая лекарства, делая перевязки, оперируя, помогая роженицам»⁴⁷. Видимо, в субботу, 15 октября 1905 года, Маковицкий и находился в такой поездке и возвратился в Ясную Поляну только на следующий день. Именно поэтому в субботу записи в его дневнике и не было сделано.

В результате дальнейших поисков удалось найти еще один источник, подтверждающий факт встречи Таирова с Толстым. Этим источником является ставшая библиографической редкостью книга «Из пережитого», изданная в Петрограде в 1915 году.

Ее автор — уже известный нам Владимир Беренштам. В очерке «У Ясной Поляны (Встреча с Л. Н. Толстым в дни октябрьской забастовки)» он, вспоминая события 1905 года и, в частности, вынужденную остановку в Туле, пишет: «Ежедневно утром доктор, всегда одетый в блузу, картузик и высокие сапоги, уходил гулять по рельсам. Иногда он исчезал на целый день... Тогда он являлся источником всех новостей нашего поезда... Газеты не выходили. Никто ничего не знал...

Однажды... доктор вернулся сияющий, просветленный, помолодевший.

— Знаете, кого я видел?! — говорил он, волнуясь... — Великого учителя земли русской!.. Я видел Толстого!.. Ведь его имение тут недалеко. Я пришел к нему пешком... Глядите, какие сапоги! Черт возьми мой отпуск!.. У меня выпал чудный, счастливый день. Я видел Толстого!.. Видел его!.. Гулял, беседовал с ним!.. Идите к нему, я рассказывал... Он примет вас...»⁴⁸

Далее Беренштам описывает свою поездку в Ясную Поляну. Для нас особый интерес представляет его беседа с Л. Н. Толстым по поводу происходящих в России революционных событий. Ведь Таиров в своем письме сообщает, что в беседе с ним Толстой «высказывался ретроградом». Те же впечатления, по его словам, вывез и побывавший в Ясной Поляне петербургский адвокат. Послушаем Беренштама. Судя по его рассказу, утверждение Таирова соответствует действительности. «...Наша речь перешла на текущие события... — продолжает свое повествование Владимир Вильяминович. — И вдруг я услышал негодующий голос...

— Забастовка! Да как они могли затеять ее! Как могли железнодорожники нарушить свое обещание перед пассажирами... Взялся везти, так вези! Может, кто-нибудь ехал к тяжело больному, умирающему отцу, спешил на операцию к доктору или просто хотел повидаться с родными после долгой разлуки... Как смели они обмануть эти ожидания!.. Ведь это — протест за чужой счет.

— Возьмите наш поезд, — возразил я, — в нем не оказалось недовольных... Кто был, тот уехал... Если бы оказался едущий к умирающему, настроение такое, что, сложившись, братски помогли бы нанять лошадей... Или подвезли бы. Ведь уже знают друг друга... Жертвы неизбежны... Вся страна хочет обновления... Да, обновления, улучшения жизни всех, начиная со стрелочников, которые до сих пор были только в ответе! Мы, пассажиры, лишь один раз, во время забастовки, лишены отпуска, свиданья с близкими, возможности поехать к доктору, они же лишены этого всегда, на всю жизнь. Не мне говорить Вам это!.. Вы знаете и видите лучше меня...

— Не такими способами обновлять жизнь, — горячо возразил он...

— А какими?! Укажите! — воскликнул я, забыв в тот момент, с кем говорю. — Я не видел других!..

— Удивительная привилегия интеллигентных людей не читать того, что я пишу столько лет, указывая простой и ясный путь! — снова горячо ответил он... — Любобы! А революционеры возбуждают недовольство народа, ненависть к богатым, желание насилем отнять чужое. Убивают! Они изобретают новые способы убийства: это они изобрели гнусные бомбы!..

⁴⁷ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 268.

⁴⁸ Беренштам В. В. Из пережитого. Пг., 1915. С. 129—130.

...Мы опять шли по опушке леса... И он расспрашивал... И снова и снова в этой простоте величия, в этом юношески горячем протесте против всяких и всех убийств я услышал глубокую любовь к человечеству, к людям всего мира и настоящим и будущим... Любовь к жизни!..

— Время покажет! — твердо и точно, глядя далеко вперед, говорил он»⁴⁹.

В своих воспоминаниях Беренштам не называет фамилию доктора, но мы-то теперь знаем, что это был земский врач Алексей Александрович Таиров. Как же сложилась его дальнейшая судьба?

Узнать об этом помогли материалы Государственного архива Тверской области. В 1906 году Таиров был подвергнут особому полицейскому надзору за распространение революционной брошюры «О налогах». От ареста Алексея Александровича спасло то, что он в это время оставался единственным врачом в Весьегонске и на его попечении находились операционные больные, уход за которыми некому было поручить⁵⁰.

Несмотря на возбужденное против него дознание, Таиров продолжал заниматься революционной деятельностью. В жандармских документах отмечалось, что он распространяет среди населения нелегальную литературу и прокламации преступного содержания, а также организывает тайные собрания крестьян, где произносит «речи крайне возмутительного содержания о не плате повинностей, о неповиновении властям, о захвате земли и т. п.»⁵¹.

В марте 1907 года в деревне Иван-Погост Телятинской волости Таиров организовал митинг крестьян соседних деревень (около 700 человек), где призывал уничтожить существующий в России государственный строй «с заменой государя императора президентом и существующего правительства — выборными от народа»⁵². Как отмечалось в докладе начальника Тверского ГЖУ, Таиров, выступавший перед крестьянами около двух часов, заявил, что «он революционер и что таковыми должны быть теперь все»⁵³.

Розыск государственного преступника Таирова велся по всей России, в том числе и в Петербурге, где он проживал некоторое время. 27 марта 1907 года Петербургское охранное отделение сообщало тверским жандармам, что «отданный под особый надзор полиции земский врач Алексей Александрович Таиров, по сведениям адресного стола, значится выбывшим из С.- Петербурга в г. Гдов. За возвращением Таирова в столицу установлено наблюдение»⁵⁴.

Вскоре Таиров был арестован и заключен в бежецкую тюрьму. Решением суда его приговорили к двум годам крепости. Однако и в тюрьме, по словам жандармов, он «занимается политической агитацией... и подготавливает беспорядки»⁵⁵. По распоряжению тверского губернатора Таиров был переведен в оставшковскую уездную тюрьму. В одном из своих писем на волю он писал друзьям: «Я очень счастлив, что удалось хоть под склон жизни принять участие в борьбе с бюрократией, за лучшие условия жизни»⁵⁶.

После отбытия срока наказания Таиров оставался под негласным надзором полиции. Устроиться на работу по специальности в родных краях ему не удалось. В июне 1911 года Алексей Александрович вынужден был выехать в г. Бугуруслан Самарской губернии, где ему предложили должность врача⁵⁷. Тверские жандармы

⁴⁹ Там же. С. 133—135.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 104. Л. 12.

⁵¹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19776. Л. 53

⁵² Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2163. Л. 235.

⁵³ Там же. Д. 1261. Л. 136.

⁵⁴ Там же. Д. 1047. Л. 17.

⁵⁵ Там же. Л. 129.

⁵⁶ Там же. Л. 136.

⁵⁷ Там же. Д. 2175а. Л. 96.

сразу же уведомили самарских коллег, что Таиров «проявлял крайне вредную активную революционную деятельность, за что неоднократно привлекался к дознаниям»⁵⁸, и поэтому нуждается в особом наблюдении.

Шлейф полицейской слежки тянулся за ним до 1917 года. После падения самодержавия Таиров возвратился в родную Тверь, где продолжал работать врачом. В начале 20-х годов следы его теряются...

Таким образом, перлюстрированное царскими жандармами письмо позволило установить ранее неизвестного литературоведам собеседника Льва Толстого — земского врача Алексея Александровича Таирова, посетившего Ясную Поляну 15 октября 1905 года.

РЕЦЕНЗИИ

ЖАЛЕЮЩАЯ КАМЕНЬ

Лилия Газизова. Верлибры: стихи; [авт. предисловие А. Переверзина]. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. — 159 с.

Уподобление книги другу, а повторного обращения к тексту — встрече со старым другом избито до не могу.

Но иногда бывают ситуации, когда без этой «избитости» не обойтись.

Критикам приходится «встречаться со старыми друзьями», то есть новыми произведениями уже знакомых авторов, особенно часто. Работа у нас такая.

Книги казанской поэтессы, переводчицы, культуртрегера, организатора поэтических фестивалей Лилии Газизовой я читала неоднократно и отзывалась на две из них — «Канафер» (2011) и «Люди февраля» (2013).

В новую, изданную в Татарстане, книгу верлибров Газизовой — с названием изощренно-простым — «Верлибры» — вошли лучшие тексты из этих двух ранних сборников. При чтении «Верлибров» «узнаваний дружеских лиц» выпало мне много.

Казалось бы, все, что можно сказать о поэзии Лилии Газизовой, давно сказано: поэтесса не в той стадии литературного опыта, когда ищут себя, то есть ломают форму и экспериментируют со слогом. Все качества ее поэзии...

...которые я характеризовала следующим образом: «Стихи Лилии Газизовой словно бы говорят тихим голосом. Тихая задушевная речь — лучший способ, чтобы тебя услышали. Это «диалог» не голоса со слухом, а сердца с сердцем»; «стихи Лилии Газизовой такого рода, что им не всегда нужен и сюжет. Порой поэтессе достаточно тонкого узнавания Другого, человека ли, места ли — те и другие для Лилии всегда обиталища души»; «Обилие бытовых узнаваемых деталей, тем не менее, не приводит эти стихи к «горизонтальной» плоскости. Поэзия в том и состоит, чтобы отрываться от земли — и Лилия Газизова отлично это умеет»

...остались при ней. Как и приверженность жанру верлибра.

Стоит отметить, что служение верлибру для поэта — явление несколько провокационное, одиозное. Практически все рецензенты, писавшие о стихах Газизовой, рассматривали их в контексте верлибра. Показательна рецензия Анастасии Ермаковой в «Литературной газете» от 2 февраля 2011 года, хвалящая Лилию Газизову «от противного»:

⁵⁸ Там же. Л. 100.